

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПРОЗЕ Л. ЛАГИНА

© Уставщикова Варвара Александровна (2022). ORCID: 0000-0003-0675-4033, SPIN-код: 1805-2666, кандидат филологических наук, педагог дополнительного образования, старший преподаватель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Н. Новгород, ул. Гагарина, 23), e-mail: ustavschikova@flf.unn.ru

В статье рассматриваются основные типы литературных заимствований, выделенных в работе Н. Пьеге-Гро «Введение в теорию интертекстуальности», в отношении к прозе Л. Лагина. Цель статьи – проанализировать, как каждый из типов проявляется в творчестве советского писателя. Показано, что Л. Лагин при использовании приёма цитирования сохраняет герметичность своего текста, имитируя обращение к внешним источникам, но не включая их реально. Ссылка-референция, когда текст заимствования называется советским автором, но не присутствует, облегчает «введение в курс дела» и помогает типологизировать сюжет, ставя его в один ряд с уже известными. Обращается особое внимание на то, что в случае с Л. Лагиным обвинения в плагиате нерелевантны, поскольку он только отчасти был вдохновлён произведениями предшественников. Демонстрируется также, как Л. Лагин, деликатно воздействуя на память читателя с помощью аллюзии, сохраняет знакомую форму, но подвергает полной инверсии наполнение. Доказывается, что основной характерной чертой писательской манеры Л. Лагина является метод заимствования у предшествующих русских и зарубежных авторов (Г. Уэллса, М. Твена, С. Чеха, А. Беляева, Ф. Энсти, Ж. Верна, Р. Киплинга) отдельных сюжетобразующих идей или завязок, фабульной канвы, некоторых стилистических элементов и жанровых шаблонов (сказка, исторический роман, роман воспитания, авантюрно-приключенческий роман и произведение фантастического жанра), но с использованием их не для какого-либо рода высмеивания, а для абсолютной трансформации с привнесением своего авторского видения, в отдельных случаях с позиции сатирического переосмысления. В статье показано, как представленные в работе Н. Пьеге-Гро типы межтекстуальных связей не только работают в произведениях постмодернизма, но также с лёгкостью обнаруживаются и у автора советской фантастической и сатирической литературы.

Ключевые слова: Л. Лагин, Н. Пьеге-Гро, интертекстуальность, отсылка, трансформация.

Н. Пьеге-Гро в своей работе «Введение в теорию интертекстуальности» [Пьеге-Гро 2008] говорит о подчинении форм взаимодей-

ствия текстов между собой либо отношению соприсутствия двух или нескольких текстов (цитата, ссылка-референция, плагиат, аллюзия), либо отношению производности, деривации (пародия и стилизация). Каждое из этих отношений обнаруживается в творчестве Л. Лагина, подстраиваемое под его творческие нужды и потребности.

Далее мы рассмотрим каждую из названных форм взаимодействия в применении к творчеству Л. Лагина более подробно и выделим основные черты, характерные для него.

Цитата определяется как минимальная форма интертекста с определенной «канонической» функцией – быть авторитетной, придавать тексту аутентичности, правдивости. Для фантастического произведения это менее актуально, чем для реалистического. Однако Л. Лагин использует цитирование как приём в романе о путешествии во времени – «Голубой человек», чтобы подчеркнуть таким образом связь происходящего с реальной историей («цитируются» выписки из газет, музейные таблички, исторические книги). Также часто «цитаты» из газет или отчётов, практически всегда выделенные особым типографическим кодом (отбивкой, другим шрифтом), можно встретить во многих его произведениях («Патент "АВ"», «Атавия Проксима», «Остров Разочарования», «Белокурая бестия»), но характерной их особенностью является то, что они остаются частью произведения, созданной автором, а не связывают текст с чем-то внешним, то есть сохраняют произведение по-прежнему герметичным.

Ссылка-референция, как и цитата, является эксплицитной формой интертекстуальности, но текст, на который ссылается автор, не присутствует напрямую в тексте производном. Такую референтную форму отсылки Л. Лагин использует в повести «Майор Велл Эндью», где он открыто сообщает, что сюжет ее напрямую связан с романом «Война миров» Г. Уэллса: «И роман Уэллса, к которому он привык относиться, как к блистательной и остроумной выдумке великого фантаста, и записные книжки Велла Эндью имели отношение к одному и тому же трагическому событию – к высадке на Землю десанта марсиан» [Лагин 1975, 325]. В романе «Голубой человек» главный герой предлагает собеседнику (а заодно и читателю) обратиться к романам М. Твена и Сватоплука Чеха, в которых описывается та ситуация, в которой находится он сам: «У Марка Твена один американец попадает из конца девятнадцатого века в самое раннее средневековье, ко двору короля Артура, а у Святоплука Чеха один пражский домовладелец, типичный такой буржуазный либерал, не-

понятным путем попадает тоже из конца девятнадцатого века в Прагу времен гуситских войн <...>. Про тех героев писатели сочинили, а я действительно попал в Москву тысяча восемьсот девяносто четвертого года из Москвы самого конца пятидесятых годов XX века, из социалистической Москвы...» [Лагин 1967, 209].

Такие отсылки не только облегчают «введение в курс дела», как в первом примере, но и помогают типологизировать сюжет, ставя его в один ряд с уже известными, как во втором. Кроме того, использование этого приёма «дает ход сложной игре между выдумкой и реальностью», поскольку «границы реальности раздвигаются, ибо она непосредственно включается в универсум романа» [Пьеге-Гро 2008, 89].

Следует помнить, что реальность в романах, посвященных путешествию во времени, разделяется, как минимум, на два пласта: на знакомую нам, и на то, во что она трансформируется под воздействием привносимых в нее изменений. Это обусловлено современной позицией онтологической абсолютизации реальности, в рамках которой любое нарушение причинно-следственной цепи может стать причиной катастрофических последствий [Лобин 2016, 29]. Но интеграция двух временных пластов, изначально удалённых друг от друга (например, присутствие в Англии эпохи раннего средневековья огнестрельного оружия, телефонов и велосипедов) необходима была М. Твену, поскольку помогала показывать их с абстрагированной, непредвзятой позиции, а значит, это позволяло автору критиковать идеалы обеих сторон: и понимание рыцарства в качестве модели благородства, продиктованное влиянием творчества А. Теннисона, и правоту проповедников демократии и капитала, которые «незначительно лучше (а иногда хуже) легендарных "неокультуренных" рыцарей Артура» [Серенков 2008, 102].

Однако герой романа Л. Лагина «Голубой человек» Антошин не привносит изменений в ту реальность прошлого, в которой оказывается. Наоборот, он становится неотъемлемой частью и в некотором роде катализатором того, что случится с ним же в его будущей жизни (а именно воспитывает своего будущего воспитателя). Следовательно, кольцо из прошлого и настоящего замыкается на героя и его действиях, и он, фактически, никоим образом не влияет на происходящее в прошлом, а только становится орудием его реализации. Даже несмотря на то, что он, зная исторические факты и соприкасаясь с историческими личностями (например, В.И. Лениным), отчасти

нарушает законы временного континуума, рассказывая о своём знании из будущего, Антошин не плодит альтернативные миры. И, кроме собственно перенесения во времени (вероятно, воображаемого, потому что появляется он в другой одежде и под другим именем), ничего фантастического в романе больше не происходит.

В данных произведениях можно отметить внешние сходства, особенно в принципиальной необъяснённости попадания в другое время и обратно, а также схожий посыл: попавший в прошлое стремится привнести в него всё то лучшее, чем он так дорожил в своём времени. Для янки это, в первую очередь, бытовые удобства – средства гигиены, быстрая связь, промышленность; впрочем, скептическое отношение к церковным законам и авторитету монархической власти также объявляется добродетелью. Для советского рабочего наиважнейшей целью становится пробуждение в окружающих людях сознательного отношения к действительности, готовности изменить свою жизнь в лучшую сторону и умения бороться за высшие идеалы. Оба понимают, что без сопротивления среды внедрить новые идеи не получится, но янки готов для достижения целей прибегать к хитрости и использованию недалёкости своих соперников, опускаясь до их уровня, например, использовать знания о грядущем затмении, чтобы сыграть на суеверии окружающих: «Да, я действительно нахожусь при дворе короля Артура и должен приложить все усилия, чтобы извлечь из этого положения как можно больше выгод» [Твен 2002, 223].

Герой романа Л. Лагина, наоборот, стремится возвысить окружение до своего уровня, своим примером в глазах общества создать новый образец для подражания, как происходит с маленькой девочкой Шуркой, которую он учит грамоте и самостоятельному мышлению, а также прививает ей идеалы социализма и коммунизма, чтобы впоследствии именно она и передала всё это его будущей «версии», поднимая вопрос о преемственности поколений и необходимости установления связей между разными эпохами (гармоничных, а не насильственных, как у М. Твена).

Плагиат – это неотмеченная цитата, цитирование без указания источника, поэтому он относится к имплицитной интертекстуальности. В некоторых ситуациях это можно назвать кражей интеллектуальной собственности, особенно если заимствованный текст – буквальное копирование большого объёма.

Можно выделить, как минимум, одно официальное обвинение в плагиате, которое предъявляли Л. Лагину: примером является заимствование из романа А. Беляева «Человек, нашедший своё лицо» в романе Л. Лагина «Патент "АВ"». Этот казус отмечался в интервью с дочерью писателя Натальей Лазаревной Лагиной [Сажнева 2000] и в воспоминаниях А. Н. Стругацкого. «В 1952 году, – вспоминал Аркадий Натанович Стругацкий, – в "Комсомольской правде" была опубликована статья-фельетон, в которой некто Гаврутто обвинил Лагина в том, что его роман «Патент "АВ"» является плагиатом повести А. Беляева "Человек, нашедший свое лицо". Не застеноч, не лесоповал, конечно, но обвинение это стоило Лагину немало нервов и здоровья. (Впрочем, специальная комиссия Союза писателей под руководством Бориса Полевого доказала, что как раз А. Беляев мог заимствовать идею своего произведения из конспекта романа Л. Лагина "Эликсир сатаны", опубликованного еще в тридцать четвертом году. Странно, право: случись это сейчас, я бы в два счета показал с книгами в руках, что эти два произведения не имеют между собой ничего общего)» [Стругацкий 1990, 204].

По сюжету «Эликсира Сатаны» доктор обнаружил в организме животных и людей особый гормон роста и с помощью реактива, вводимого в кровь, он заставил этот гормон функционировать очень интенсивно, положительно влияя на размеры организма. Данный препарат был испробован на артисте-лилипуте, как и в романе «Патент "АВ"». Очень похожая история рассказана и в романе А. Беляева: карлик-комик, американский популярный актёр, переживает из-за своего уродства и обращается к доктору-эндокринологу, который с помощью гормональной терапии успешно приводит его внешний вид к нормальным человеческим параметрам. В обоих случаях это ведёт к неожиданным результатам, а именно возникает масса проблем, связанных с изменением роста бывших лилипутов: их не узнают даже близкие люди, они теряют работу на сцене, поскольку их успех был связан с их уродством.

Дочь Л. Лагина считает, что одинаковые сюжеты пришли в голову разным писателям совершенно независимо друг от друга. Но нужно учитывать, что роман «Человек, нашедший свое лицо» был написан А. Беляевым на основе его же книги «Человек, потерявший своё лицо», которая увидела свет еще в 1929 году, а этот факт в выводах комиссии не указывался. И всё же, если говорить о рассказе «Эликсир Сатаны», то он, возможно, и был вдохновлён произведе-

нием А. Беляева, но выполнен в несколько более сатирическом ключе и с более явными нотками антикапиталистического пафоса. Что же касается романа «Патент "АВ"», то применение термина «плагиат» для обозначения их сходства уже совершенно некорректно, поскольку он не сфокусирован на той сюжетной коллизии, которую Л. Лагин позаимствовал у А. Беляева, и далеко не ограничивается только ей одной, напротив, это лишь один из эпизодов, который гармонично вписывается в повествование, но не лежит в его основе. Кроме того, этот эпизод там основательно переработан, и даже если его завязка в произведениях Л. Лагин и А. Беляева демонстрирует определенную близость, то последующее развитие этого эпизода не имеет ничего общего с фабулой беляевского романа ни в первом, ни во втором его варианте.

Не следует забывать, что и знаменитый лагинский «Старик Хоттабыч» считается произведением, берущим своё начало от другого – «Медного кувшина» Ф. Энсти. Но вопрос о том, можно ли считать плагиатом переключки «Старика Хоттабыча» с «Медным кувшином», довольно спорный. С одной стороны, в них обнаруживаются некоторые сходства, например, в общей сюжетной схеме (обнаружение древнего джинна в старинной лампе и его попытки отблагодарить своего спасителя, которые приводят к катастрофическим последствиям) или в описании манеры джинов общаться: они в обоих произведениях изысканно витиевато, архаично, со множеством эпитетов и синтаксических усложнений (Ф. Энсти: «– Знай, о ты, лучший из людей, – продолжал незнакомец, – что тот, кто говорит теперь с тобой, есть Факраш-эль-Аамаш, один из Зеленых джинов» [Энсти 1993, 27]. Л. Лагин: «– Нет, повелитель мой, – продолжал старик, – я не иллюзионист из цирка. Знай же, о благословеннейший из прекрасных, что я Гассан Абдурахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдурахман Хоттабович» [Лагин 2004, 18–19]).

Плюс к этому, советская сказка инкорпорирует в себя элементы таких классических форм европейской литературы XVIII–XIX вв., как «роман путешествий» и «роман воспитания» [Глушенко 2015, 137], а именно ко второму типу можно отнести и роман Ф. Энсти, где в юмористической форме утверждается мысль о скромности как о величайшей добродетели молодого человека и неправомочности желаний присвоить себе незаслуженные почести, а перенесение событий библейских времен (в частности, сватовства царя Соломона к царице Савской) в современную викторианскую Англию показыва-

ет, что «есть вечные темы, а есть преходящее, сиюминутное» [Дайс 2013].

С другой стороны, настолько советским духом проникнуто всё существование героев «Старика Хоттабыча», в первую очередь, Вольки Костылькова, все его стремления, желания и моральные ценности, что говорить о сколько-нибудь полноценном копировании английского романа, отражающего реалии викторианской эпохи, смысла просто нет. Конечно, кроме антуража, изменилась еще и глубинная идея, основной посыл – кроме мотива перевоспитания главных героев, а в особенности архаичного джинна с психологией «старого человека», в полноценных советских гражданах, будущих строителей коммунизма, повесть доносит до читателя «дорогую для Лагина идею: советское государство драгоценно и его надо беречь» [Глущенко 2015, 139].

Кроме того, плагиат подразумевает копирование оригинального авторского произведения, а не представление новой вариации на тему мифологического или фольклорного сюжета, неважно, насколько удачной оказалась одна из таких интерпретаций, а в основе «Медного кувшина» лежит одна сказка из сборника «Тысяча и одна ночь» [Веснина], где обычный человек выпускает на свободу могущественного джинна и вынужден справляться с последствиями своего поступка. Этот эпизод даже обыгран Л. Лагиным в «Старике Хоттабыче»: «Я чуть не забыл, что тысячу сто девятнадцать лет тому назад меня точно таким способом обманул один рыбак. Он задал мне тогда тот же вопрос, и я легковерно захотел доказать ему, что я находился в кувшине, и я превратился в дым и вошел в кувшин, и этот рыбак поспешно схватил тогда пробку с печатью и закрыл ею кувшин и бросил его в море. Не-ет, больше этот фокус не пройдет!» [Лагин 2004, 295]. В этом эпизоде не называется источник, откуда позаимствована данная история, но он настолько очевиден, особенно эрудированному читателю, что вполне можно назвать этот приём аллюзией.

Аллюзия – непрямая цитата, лишённая буквальности и эксплицитности, косвенная отсылка, которая, с одной стороны, воздействует на память читателя, а с другой – не нарушает непрерывность текста, а потому действует намного тоньше и деликатнее. Иногда аллюзия встречается в форме простого воспроизведения текста, явного или скрытого, но в основном это «хитроумный способ соотнесения широко известной мысли с собственной речью, поэтому она отлича-

ется от цитаты тем, что не нуждается в опоре на имя автора, которое всем известно и так, и <...> является удачным обращением к памяти читателя, дабы заставить его перенестись в иной порядок вещей, но аналогичный тому, о котором идет речь» [Пъеге-Гро 2008, 91]. Причем порой форма будет сохранена практически дословно, но смысл может подвергаться полной инверсии, оттого работа аллюзии становится еще более эффективной.

Следует сказать о подобных переключках произведений Л. Лагина с творчеством Жюль Верна и Редьярда Кипплинга: не копируется целиком сюжет, но перенимается идея, концепт или конструктор произведения в целом.

В основу сюжетной завязки романа «Атавия Проксима» (1956) положены события, о которых повествует и фантастическое произведение Ж. Верна «Гектор Сервадак. Путешествия и приключения в околосолнечном мире» (написан в 1876, через год опубликован, первый перевод на русский язык появился в 1878 году в журнале «Природа и люди», №№ 2–12). В романе французского писателя рассказывается, как пролетающая мимо Земли комета захватила с собой несколько частей земной коры вместе с растительностью и обитателями, которые не сразу обнаруживают, что произошло и где они находятся. Когда же с помощью очередного в галерее Ж. Верна учёного-чудака профессора Пальмирена Розета оставшиеся на комете осознают своё положение, они достаточно быстро принимают максимально верные решения для сохранения жизни.

Очень похожий сюжет мы можем видеть и в романе «Атавия Проксима» Л. Лагина: в результате мощного ядерного взрыва часть Земли – вымышленный континент Атавия – оказывается в космосе, оторванная от остального мира, а люди на ней продолжают жить и решать свои повседневные вопросы, как если бы ничего экстраординарного не происходило вовсе. Они так же сначала не верят в то, что стали обитателями нового небесного тела, и отправляются на разведку, чтобы убедиться в этом наверняка, как и в романе Ж. Верна.

В отношении «научности» описываемого оба романа не выдерживают критики с точки зрения современных представлений. Ж. Верн, как всегда, снабдил своё повествование научными данными в достаточном количестве, но не смог избежать фактических ошибок, которые подробно разобрал Я.И. Перельман в книге «Занимательная математика. Математические рассказы и очерки» [Перельман 2008]. Следует, правда, отметить, что во времена Ж. Верна знания о космо-

се были не столь обширными, как сейчас, а потому его наукообразные объяснения воспринимались вполне всерьёз. Л. Лагин же в «Атавии Проксима», хотя и соблюдает частично формальные признаки жанра, сообщая некую фактическую информацию (о продолжительности дня на новом небесном тебе, о его размерах, удаленности от планеты и т.п.), но изначально не стремится к наукоподобию и отказывается объяснять фантастические события романа, поскольку это и не столь важно.

У Ж. Верна в романе «Гектор Сервадак» изображены разные типы и национальности, но отношения сохраняются неизменными: еврей продолжает пытаться выгодно торговать, как и прежде, но сталкивается с необязательными испанцами, «андалузскими "махо", беспечными по природе, бездельниками по призванию» [Верн 1956, 301]; англичане не любят французов из-за разногласий их стран в колониальной политике и даже перед лицом опасности не готовы идти с ними на контакт: «Не изменились и претензии «держав», только в игрушечных масштабах захватнические вождения и национальное чванство выглядят смешно и жалко» [Бритиков 1970, 209]. А вот главные герои: француз и русский (которым автор явно благоволит), вначале враждовавшие из-за благосклонности женщины, – в новых условиях благоразумно решают объединиться. Также и в романе «Атавия Проксима» Л. Лагина: капиталисты ратуют за прибыль в любом ее виде, хоть от военной промышленности, хоть от лекарства против чумы, расисты унижают негров и отказываются мириться с их присутствием даже в больнице под угрозой заражения, в то время как «политически сознательные» коммунисты мобилируются и объединяются.

Очень схожим образом люди ведут себя, оказавшись в сходных обстоятельствах, но при сравнении романов девятнадцатого и двадцатого веков ощущается заметное увеличение масштабов. От колонии в несколько десятков человек в «Гекторе Сервадаке» – до двух густонаселенных стран в «Атавии Проксима», а неприязнь отдельных национальностей перерастает в ситуацию, при которой два дружественных ранее государства вынуждены враждовать, заключив совершенно абсурдный пакт о «взаимной войне». Как пишет А.Ф. Бритиков, «Лагин создает коллизии трагические, облитые щедринским и свифтовским сарказмом. За бортом Земли оказывается целая система, и на Атавии Проксима творятся дела пострашнее наивных политических страстей прошлого века» [Бритиков 1970, 209].

Несмотря на отдельные похожие фрагменты, романы по факту объединяет только концепт «оторванности» от мира. Но в романе Ж. Верна героини после космического полёта возвращаются на Землю в то же самое место, следовательно, можно рассматривать это путешествие как метафорический отрыв от обитаемой части вселенной и пребывание в совершенно герметичной реальности со своими физическими законами и своим социальным устоем – трудовой общины «межпланетных робинзонов» [Брандис 1955, 18]. В финале же «Атавии Проксимы» жители нового спутника Земли не только не возвращаются на планету, но вообще не меняют своего положения относительно материнского небесного тела. Статичность их положения в пространстве оттеняется, с одной стороны, изменением, как и в «Гекторе Сервадаке», физических условий (в частности, рассеиванием атмосферы), а с другой – явными подвижками в социальном устройстве бывших капиталистических стран, из союза которых на фоне борьбы с потерей воздуха выплавляется некое единое протогосударство. Из чего видно, что Ж. Верна в первую очередь интересуется динамикой «географической», связанная с движением материальных объектов относительно друг друга, в которой самое значительное – это познание окружающего мира в процессе этого движения, в то время как советским автором во главу угла ставится динамика духовная и социальная, движение нематериальное – вглубь сознания, цель которого – познание себя, изучение пластичности разума людей, готовности меняться и подстраиваться под новое в условиях трансформирующегося окружения.

Памфлет Л. Лагина «Белокурая bestия» (1963) заимствует идею о воспитании «детёныша» человека волками из романа «Книга джунглей» (впервые был опубликован в журналах в 1893–1894 годах, на русский язык переведен в 1900–1917 годах) Р. Киплинга, который считается автором, наиболее удачно воплотившим её в своем произведении, хотя подобные сюжеты уходят корнями к мифу о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей.

Основные различия между произведениями заключаются в том, что героини романа Р. Киплинга – звери, похожие на людей, которые становятся для Маугли семьёй, учителями и защитниками, а героини памфлета Л. Лагина – люди, потерявшие свою человеческую сущность. Например, мать новоявленного «волчонка» с легкостью отдаёт сына в приют, поскольку «ей становилось не по себе при одной только мысли, что этот пятилетний идиот, ничем не отличающийся

от животного, будет проживать с нею под одной крышей» [Лагин 1963, 39], а воспитатель «волчонка» внушает ему чувство превосходства над остальными из-за происхождения и богатства, но при этом использует его в своих политических играх.

Животные Р. Киплинга учат маленького Маугли чтить «Закон джунглей», запрещающий убивать ради забавы. Мальчик учится у животных вести себя достойно внутри социума, относиться ко всем с подобающим уважением, не выказывать и не испытывать чувства превосходства над окружающими, несмотря на явные различия: «– Мы с тобой одной крови, ты и я, – отвечал Маугли. – Сегодня ты возвратил мне жизнь. Моя добыча будет твоей добычей, когда ты проголодаешься, о Каа!» [Киплинг 2003, 47]. И в то же время он – человеческий детеныш, он подчиняет себе джунгли, потому что «взаимоотношения человека и зверя – это взаимоотношения господина и слуги, в лучшем случае – друзей» [Ионкис 2014].

Л. Лагин в памфлете «Белокурая бестия» переворачивает эту идею с ног на голову. Мало того, что используя ранее запечатлевшиеся паттерны доброй детской книжки, он разрушает чистоту и наивность привычного восприятия отношений между людьми и животными, он еще и добавляет к ней присущую им реалистичную жестокость и бескомпромиссность: убей или будешь убит. Там, где у Р. Киплинга соединяются фантастичная сказочность и некоторая «яркая романтика человеческого мужества, соединенных с теплой лирической интонацией» [Пичугина 2015, 143], у Л. Лагина обнаруживается холодный описательный тон военного отчета, публицистическая точность дат и мест: «В последних числах апреля 1943 года <...> Случилось это в одном из глухих и суеверных горных селений Баварского Оберланда» [Лагин 1963, 34], «В детском доме "Генрих Гейне" Хорстль прожил с 19 октября 1946 года по 8 мая 1953-го, то есть шесть лет и семь месяцев» [Лагин 1963, 40].

Обоими авторами обсуждаются проблемы соотношения цивилизованного и природного, интеллектуального и чувственного, порядка и хаоса, взаимоотношений человека и зверя (как реальных, так и метафорических, внутренних), дихотомии «свой – чужой» [Слободнюк 2012, 300]. И разрешаются эти вопросы не всегда однозначно. Утверждается, что Р. Киплинг «поставил человека над зверем, более того, заставил их повиноваться и даже добровольно служить человеку» [Ионкис 2014], точно так же, как и в отношениях между белыми и туземцами, запечатленными в рассказах о колониальной

жизни, которые выражают «империалистические» взгляды автора, истинного британца [Пичугина 2015, 142] (если выражаться терминами советского литературоведения). Л. Лагин в «Белокурой бестии» тоже показывает империалистическую идеологию доминирования сильных над слабыми, но изображает он это с позиции высмеивания, сатирического переосмысления незыблемых для подобного мышления истин. Преобладание порядка над хаосом – неоспоримый залог течения жизни, но порядок не всегда должен быть иерархичен и строго регламентирован установками «сверху». Именно необходимость главенства одного над другим в пику равноправию и ставится под сомнение в его произведении. У Р. Кипплинга идеальная жизнь в джунглях – всегда иерархия с Вожаком во главе, Л. Лагин утверждает, что для современного человеческого общества этот закон больше неприемлем.

Основные типы взаимодействия текстов в рамках деривации на примере творчества Л. Лагина стоит рассмотреть очень кратко. Причина заключается в том, что, в отличие от отношений соприсутствия, понимание данного вида заимствований невозможно без знания первоисточника.

Пародия и бурлескная травестия, в основе которых лежит трансформация исходного произведения, вынуждены базироваться на «материнском» тексте при сохранении неразрывной связи между ними. Как правило, они часто используются для высмеивания. К этому типу интертекстуальных отношений в некоторой степени можно отнести повесть-сказку «Старик Хоттабыч», где «сатира и комизм возникают как следствие снижения возвышенного и демистификации героя» [Пьеге-Гро 2008, 100], который в своём исходном произведении – арабской сказке – представляет из себя могучего, грозного джинна. Но даже если изъять из контекста весь восточный колорит данного персонажа, остается, в первую очередь, конфликт старого и нового поколений, разного типа сознаний, что само по себе всегда было основой комических коллизий, а потому арабский антураж в советском пространстве добавляет только дополнительную дистанцию между ними.

Стилизация же – это имитация гипотекста, при которой выбор предмета подражания не играет существенной роли. Это дает использующему её автору широкий простор для действий, в чём Л. Лагин, несомненно, преуспел. В его творчестве можно встретить практически любой жанровый шаблон, который он считает необ-

ходимым: в «Голубом человеке» – исторический роман о нелёгкой судьбе подпольных революционеров, о жизни и страданиях простого люда рубежа веков, неуловимо напоминающий психологические этюды Ф. М. Достоевского и М. Горького; «Майор Велл Эндью» – классический английский роман о быте и социальном укладе викторианского общества, о ценностях и личностных приоритетах члена этого общества, с уклоном в дидактический роман воспитания. Иногда несколько шаблонов можно встретить в рамках одного произведения, например, элементы приключенческой литературы в стиле «Робинзона Крузо» Д. Дефо в «Острове Разочарования» гармонично сочетаются со шпионскими и детективными расследованиями, а иногда проглядывают и нотки военной драмы. Каждый шаблон автор подвергает переосмыслению в рамках поставленных художественных задач.

По сатирическому высмеиванию социальных пороков любого описываемого общества, по изучению человеческой природы и глубины её искажений, свойственным всем произведениям Л. Лагина, можно атрибутировать его как преданного поклонника Д. Свифта и М.Е. Салтыкова-Щедрина, на что нередко обращали внимание исследователи: «Его сатирические образы выделяются идейной глубиной и художественной определенностью» [Бритиков 1970, 214].

Все эти примеры показывают, что для творчества Л. Лагина характерен был метод заимствования у предшествующих русских и зарубежных писателей сюжетобразующих идей или фабульной канвы, а также отдельных элементов стилистики с последующей её переработкой. Однако всё позаимствованное Л. Лагин подвергал полной трансформации, вкладывая иные смыслы в схожие концепты, разворачивая события с иной точки зрения. Нет в этих заимствованиях и простого плагиата, поскольку заимствованная часть обрастает целым самобытным художественным произведением, с тонкой литературной сатирой и гротесковой фантазмагоричностью, наполненной в то же время реалистичностью и жизненным правдоподобием, свойственными публицистике. Это отличительная черта Лазаря Лагина как писателя.

Источники

Верн 1956 – Верн Ж. *Гектор Сервадак. Путешествия и приключения в околосолнечном мире* // Верн Ж. Собр. соч.: в 12 т. Т. 7. М., 1956.

Веснина – Веснина Б. *Сказка* // Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SKAZKA.html?page=0,3 (дата обращения: 06.07.2022).

Киплинг 2003 – Киплинг Дж.Р. *Маугли. Сказки Старой Англии*. Ким. М., 2003.

Лагин 1963 – Лагин Л. *Белокуроая бестия: Памфлет* // Юность. 1963. № 4. С. 34–63.

Лагин 1967 – Лагин Л. *Голубой человек*. М., 1967.

Лагин 1975 – Лагин Л. *Избранное. Голубой человек. Обидные сказки. Майор Велл Эндью. Старик Хоттабыч*. М., 1975.

Лагин 2004 – Лагин Л. *Старик Хоттабыч*. Губарев В. Королевство кри-вых зеркал. Олеша Ю. Три Толстяка. М., 2004.

Перельман 2008 – Перельман Я.И. *Занимательная астрономия*. М., 2008.

Сажнева 2000 – Сажнева Е. *Кто выпустил джинна из бутылки* // Московский комсомолец. 28 июня 2000. № 756 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/12/04/122708-kto-vyipustil-dzhinna-iz-butylki.html> (дата обращения: 27.08.2020).

Стругацкий 1990 – Стругацкий А. *О Лазаре Лагине* // Лагин Л. Старик Хоттабыч: Избран. произведения. М., 1990. С. 204–206.

Твен 2002 – Твен М. *Принц и Нищий. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура*. М., 2002.

Энсти 1993 – Энсти Ф. *Шиворот-навыворот. Медный кувшин*. М., 1993.

Литература

Брандис 1955 – Брандис Е.П. *Жюль Верн и вопросы развития научно-фантастического романа*. Л., 1955.

Бритиков 1970 – Бритиков А. Ф. *Русский советский научно-фантастический роман*. Л., 1970.

Глущенко 2015 – Глущенко И. В. *Путешествия через пространство и время в книге Л. Лагина «Старик Хоттабыч»* // Детские чтения. 2015. № 8. С. 124–141.

Дайс 2013 – Дайс Е. *Остановивший Солнце (Мистериальные корни «Старика Хоттабыча»)* // Русский Журнал. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russ.ru/pole/Ostanovivshij-Solnce> (дата обращения: 14.09.2021).

Ионкис 2014 – Ионкис Г. *«Книга джунглей» Киплинга для детей и взрослых. К 120-летию издания* // Партнер. 2014. № 10 (205). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2014/10/238/7046/kniga-dzhunglej-kiplinga-dlja-detej-i-vzroslyh> (дата обращения: 18.11.2018).

Лобин 2016 – Лобин А.М. *К вопросу об эволюции авторских концепций истории в научной фантастике XX–XXI веков* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 28–30.

Пичугина 2015 – Пичугина В.С., *Поплавская И.А. Творчество Д.Р. Киплинга в рецепции русских писателей и критиков первой половины XX в.* // Вест-

ник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). С. 136–146.

Пьеге-Гро 2008 – Пьеге-Гро Н. *Введение в теорию интертекстуальности*. М., 2008.

Серенков 2008 – Серенков Ю.С. *Разрушение культурного кода рыцарства (на материале американской литературной пародии: Эдгар Фосет, Оскар Фей Адамс)* // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 102–110.

Слободнюк 2012 – Слободнюк С.Л. *Место и роль человека в художественном бытии «Книг джунглей» Д. Р. Киплинга* // Пушкинские чтения – 2012. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. Материалы XVII международной научной конференции. СПб., 2012. С. 300–305.

DIFFERENTIATION AND TYPOLOGY OF LITERARY BORROWINGS IN L. LAGIN'S PROSE

© **Ustavshchikova Varvara Aleksandrovna** (2022), ORCID: 0000-0003-0675-4033, SPIN-код: 1805-2666, D. in Philology, supplementary education teacher, senior lecturer, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), e-mail: ustavshchikova@flf.unn.ru

The article discusses the main types of literary borrowings outlined in the book "Introduction to the theory of intertextuality" by N. Piegay-Gros in relation to L. Lagin's prose. The purpose of the article is to analyze how each of these types manifests itself in the works of the Soviet writer. It is shown that using the citation technique, L. Lagin preserves the hermeticity of his text, imitating an appeal to external sources, but not actually including them. Reference, when borrowed text is called by the Soviet author, but is not present facilitates the "introduction to the course of the matter" and helps to typify the plot putting it on a par with already known. Particular attention is drawn to the fact that in the case of L. Lagin accusations of plagiarism are irrelevant since he was only partly inspired by the works of his predecessors. It is also shown how L. Lagin delicately influencing the reader's memory with the use of allusion retains the familiar form but completely inverts the content. It is proved that the main feature of L. Lagin's writing style is the method of borrowing ideas, starting points, plot lines or some stylistic elements and genre templates (fairy tale, historical novel, coming-of-age story, adventure novel and fantasy), from previous Russian and foreign authors (H.G. Wells, M. Twain, S. Čech, A. Belyaev, F. Anstey, J. Verne, R. Kipling), using them not for any kind of ridicule, but for complete transformation with introduction of his own vision, in some cases from the

position of satirical reconsidering. It is shown in the article, that these types of intertextual connections submitted in the book of N. Piegay-Gros are functioning not only in the postmodern works but can be easily find in the fantastical and satirical works of Soviet writer.

Keywords: L. Lagin, N. Piegay-Gros, intertextuality, reference, transformation.

References

(Articles from Scientific Journals)

Глушенко 2015 – Glushchenko I.V. *Puteshestviya cherez prostranstvo i vremya v knige L. Lagina “Starik Khottabych”* [Traveling through space and time in Lagin's book “Old Man Khottabych”]. *Detskiye chteniya*, 2015, no. 8, pp. 124–141. (In Russian).

Дайс 2013 – Days E. *Ostanovivshiy Solntse (Misterial'nyye korni «Starika Khottabycha»)* [Stopping the Sun (Mysterious Roots of Starik Khottabych)]. *Russkiy Zhurnal*. 2013. Available at: <http://russ.ru/pole/Ostanovivshij-Solnce> (accessed 14.09.2021). (In Russian).

Ионкис 2014 – Ionkis G. *«Kniga dzhungley» Kiplinga dlya detey i vzroslykh. K 120-letiyu izdaniya* [“The Jungle Book” by Kipling for children and adults. On the 120th anniversary of the publication]. *Partner*, 2014, no. 10 (205). Available at: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2014/10/238/7046/kniga-dzhunglej-kiplinga-dlja-detey-i-vzroslykh> (accessed 18.11.2018). (In Russian).

Лобин 2016 – Lobin A.M. *K voprosu ob evolyutsii avtorskikh kontseptsiy istorii v nauchnoy fantastike XX–XXI vekov* [To the issue of the evolution of author's concepts of history in science fiction of the XX–XXI centuries]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no.1–2 (55), pp. 28–30. (In Russian).

Пичугина 2015 – Pichugina V.S., Poplavskaya I.A. *Tvorchestvo D.R. Kiplinga v retseptsii russkikh pisateley i kritikov pervoy poloviny XX v.* [The work of D.R. Kipling in the reception of Russian writers and critics of the first half of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2015, no. 6 (38), pp. 136–146. (In Russian).

Серенков 2008 – Serenkov Y.S. *Razrusheniye kul'turnogo koda rytsarstva (na materiale amerikanskoj literaturnoy parodii: Edgar Foset, Oskar Fey Adams)* [Destruction of the cultural code of chivalry (based on American literary parody: Edgar Fawcett, Oscar Fay Adams)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2008, no.1, pp. 102–110. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Слободнюк 2012 – Slobodnyuk S.L. *Mesto i rol' cheloveka v khudozhestvennom bytii “Knig dzhungley” D.R. Kiplinga* [The place and role of man in the artistic existence of “The Jungle Book” by D. R. Kipling]. *Pushkinskiye chteniya – 2012. “Zhivyye” traditsii v literature: zhanr, avtor, geroy, tekst. Materialy XVII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Saint-Petersburg, 2012, pp. 300–305. (In Russian).

(Monographs)

Брандис 1955 – Brandis E.P. *Zhyul' Vern i voprosy razvitiya nauchno-fantasticheskogo romana* [Jules Verne and the development of the science fiction novel.]. Leningrad, 1955. (In Russian).

Бритиков 1970 – Britikov A.F. *Russkiy sovetskiy nauchno-fantasticheskiy roman* [Russian Soviet science fiction novel]. Leningrad, 1970. (In Russian).

Пьеге-Гро 2008 – Piegay-Gros N. *Vvedeniye v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow, 2008. (In Russian).

Поступила в редакцию 09.11.2022